

Курдюмов М. Роман Чехова // Современные записки
(Париж). 1935. Кн. LVII. Январь. С. 438-451.

Романъ Чехова

О какой-нибудь большой и серьезной любви, перелитой Чеховымъ въ ранней молодости, нѣтъ упоминанія ни въ е.о перепискѣ, ни въ свидѣльствахъ о немъ близко знавшихъ его людей. Были увлечения, были случайныя связи. Тѣмъ неожиданнѣе кажется разыгравшійся на послѣднихъ страницахъ его жизни романъ.

Въ воспоминаніяхъ О. Л. Книпперъ, приложенныхъ къ «Перепискѣ»*), очень краткихъ, сдержанныхъ, она рассказываетъ о себѣ и изъ ея разсказа легко понять, чѣмъ для нея, строго и чопорно воспитанной «барышни», которая серьезно занималась музыкой, пѣніемъ, иностранными языками, явилась сцена Московскаго Худо-кественнаго театра, куда она поступила сравнитель-

но поздно, лишь послѣ смерти отца, не позволявшаго ей даже и мечтать о томъ, чтобы стать артисткой.

«И вотъ, наконецъ, я — у цѣли, я достигла того, о чемъ мечтала — я актриса, да еще въ какомъ-то необычномъ, новомъ театрѣ», — пишетъ она. «Я вступила на сцену съ твердой убѣжденностью, что ничто меня не оторветъ отъ нея, тѣмъ болѣе, что и въ личной жизни моей прошла трагедія разочарованія перваго юнаго чувства. Театръ, казалось мнѣ, долженъ былъ заполнить одинъ всѣ стороны моей жизни.

Но на самомъ порогѣ этой жизни, какъ только я приступила къ давно грезившейся мнѣ дѣятельности, какъ только началась моя артистическая жизнь, я встрѣтилась съ Антономъ Павловичемъ Чеховымъ»...

«Никогда не забуду той трепетной взволнованности, которая овладѣла мною еще наканунѣ, когда я прочла записку Владиміра Ивановича*) о томъ, что завтра, 9 сентября**), А. П. Чеховъ бу-

*) Письма А. П. Чехова къ О. Л. Книпперъ были изданы въ 1924 году книгоиздательствомъ «Слово» въ Берлинѣ. Отвѣтныя письма О. Л. Книпперъ, отрывки которыхъ приводятся въ статьѣ М. Курдюмова, еще только должны появиться въ ближайшемъ времени въ русскомъ и французскомъ изданіяхъ.

*) Немировича-Данченко.

**) 1898 года.

дети у нас на репетиции «Чайки», ни того необычайного состояния, в котором шла я в тот день в Охотничий клуб на Воздвиженск, где мы репетировали, пока не было готово здание нашего театра в Каретном ряду, ни того мгновения, когда я в первый раз стояла лицом к лицу с Чеховым... И с этой встречи начал медленно загниваться тонкий и сложный узел моей жизни».

Дальше Книппер рассказывает об успѣхах «Чайки», о том, как пришла к ней во время одного из спектаклей в уборную познакомиться сестра писателя, М. П. Чехова и как отсюда началось ее сближение с семьей Чехова, жившаго ту зиму в Ялте.

Надо учесть, какое значение для Чехова и для всей его семьи имѣл успѣх именно этой пьесы, которая передъ тѣмъ «справдилась» в казенномъ Александринскомъ театрѣ, причинивъ ему, какъ автору, самый большой ударъ, когда либо имъ пережитой за все время его въ общемъ очень удачливой литературной дѣятельности. Молодая, талантливая артистка, прекрасно воспитанная, очень культурная и обаятельная женщина появляется въ семьѣ Чеховыхъ, вноситъ туда свою атмосферу, непохожую на духъ обычной актерской богемы. По прѣздѣ А. П. изъ Ялты, она на три дня прѣзжаетъ гостить къ Чеховымъ въ Метихово. Тамъ для нея все такъ же ново, какъ и на сценѣ Художественнаго театра, непохоже на ее прежнюю въ строгой обстановкѣ замкнутой жизни. Въ этихъ условіяхъ и завязывается начало романт

Обмѣнъ письмами, потомъ встреча въ Новороссійскѣ и поѣздка на пароходѣ въ Ялту, гдѣ Книпперъ, живя въ семьѣ близкихъ своихъ друзей, постоянно общается съ Чеховымъ.

Въ августѣ Чеховъ и Книпперъ вмѣстѣ возвращаются въ Москву, загѣвъ въ концѣ августа Чеховъ опять ѣдетъ въ Ялту и по письмамъ ихъ другъ къ другу уже видно, что стѣсненность и натянутость отношеній, которая ощущались въ началѣ ихъ знакомства и переписки, теперь исчезли. Но о любви ни одного слова Устанавливается то, что француженки называютъ *amitie amoureuse* и устанавливается надолго. «Мнѣ было грустно, когда Вы уѣхали, такъ тяжело, что если бы не Вишневецкій, который провожалъ меня, то я бы ревѣла всю дорогу. Пока не заснула, ѣхала съ Вами». Съ радостнымъ чувствомъ довѣрія и близости она рассказываетъ ему о своемъ любимомъ театрѣ, о томъ, какъ была на квартирѣ у Чеховыхъ: — «Въ Вашемъ кабинетѣ стоитъ диванъ, виситъ Вашъ большой портретъ, уютно тамъ, хорошо и я абонировалась на уголокъ дивана прямо противъ портрета, буду приходить и сидѣть».

Чеховъ въ своихъ отвѣтахъ точно не замѣчаетъ этихъ порывовъ чувства. У него обычны шуточки, обрывистыя короткія фразы, обращенія «милая актриса» или «великолѣпная актриса», «замѣчательная женщина». Впрочемъ, и онъ говоритъ: «если бы Вы знали, какъ меня обрадовало Ваше письмо... Я привыкъ къ Вамъ и теперь скучаю и никакъ не могу примириться съ мыслью, что не увижу Васъ до осени». Но

далее опять слѣдуютъ шутки, неизбежныя сообщенія о погодѣ, мелочи.

Съ августа 1899 года и до апрѣля 1890 года они не видѣлись. Обмѣнъ письмами, и очень частый, продолжается. Тонъ Чехова все ласковѣе и ибнѣе. Онъ уже привыкъ къ тѣсной дружбѣ съ «великолѣпной, необыкновенной актрисой». Впрочемъ, Книперъ пишетъ чаще, нежели Чеховъ и письма ея полнѣе, содержательнѣе. По вечерамъ, вѣрнѣе по ночамъ, вернувшись изъ театра, на долгихъ иногда страницахъ рассказываетъ она ему о своей жизни, цѣликомъ наполненной театромъ. Передъ нами не актриса. «нищущая успѣха» и упоенная этимъ успѣхомъ, когда онъ ей выпадаетъ на долю, а вдумчиво относящаяся къ искусству женщина, не только требовательная, но придирчиво недобѣрчивая къ своей работѣ, къ своему дарованію. О томъ, напр., какъ она прекрасно играла въ «Одинокихъ», она ни словомъ не упоминаетъ Чехову, онъ самъ пишетъ ей объ этомъ по отзывамъ другихъ. Но зато она не щадитъ себя, когда, уступивъ указаніямъ режиссеровъ, на первомъ представленіи «Дяди Вани» измѣняетъ весь ею задуманный рисунокъ главной женской роли и исполненіе получается неудачное. Ея письмо на эту тему полно искренняго отчаянія.

«...Играла я невообразимо скверно — почему?.. На спектаклѣ я адски волновалась, прямо трусила, чего со мной еще не случилось и потому было трудно играть навязанный мнѣ образъ. Домашніе въ ужасѣ отъ моей игры... Боже, какъ мнѣ тяжело. Страшно думать о будущемъ, о слѣду-

ющихъ работахъ»... На другой день она приписываетъ къ этому письму: «Не могу Вамъ сказать, какъ меня убиваетъ мысль, что именно въ Вашей пьесѣ я играла неудачно... Что меня будутъ бранить газеты и публика — это очень неприятно, конечно, но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я терплю при мысли, какъ я угостила Елену Андреевну, т. е. Васъ и самое себя. Простите, ради Бога, не ругайте меня, завтра же буду исправляться. Надо мнѣ только окрѣпнуть, а то я ослабла и обезсилѣла».

Чеховъ ее успокаиваетъ: «Я принимаю Ваше настроеніе, милая актриса; но все же на Вашемъ мѣстѣ я бы не волновался такъ отчаянно... разъ навсегда надо оставить попеченіе объ успѣхахъ и не успѣхахъ. Пусть это Васъ не касается. Ваше дѣло работать исподволь, изо дня въ день, втихомолочку, быть готовой къ ошибкамъ, которыя неизбежны, къ неудачамъ, однимъ словомъ, гнуть свою актрисичью линию, а вызовы пусть считаютъ другіе».

Тихій и уравновѣшенный Чеховъ, при всей своей чуткости, не до конца улавливалъ кипуче-впечатлительную натуру своей будущей жены и не только въ театральной ея работѣ. Это непониманіе особенно остро ощущается въ ихъ отношеніяхъ, когда они вступаютъ въ новую фазу. До тѣхъ же поръ все продолжается дружба, продолжаютъ письма—длинные, часто нервныя со сторонами О. Л. и болѣе короткія, замкнутыя со стороны А. П.

Но вотъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и въ письмахъ Книперъ отъ 5-го февраля мы читаемъ: «Что это значитъ, дорогой

писатель? Вчера я слышала от Марии Павловны, что Вы уѣдете за границу на все лѣто? Этого не можетъ быть, слышите! Это Вы такъ только написали, а теперь забыли, правда? Это невѣроятно жестоко писать такіа вещи. Сію же секунду отвѣтите мнѣ, что это не такъ, что лѣто мы будемъ вмѣстѣ».

Чеховъ отвѣчаетъ: «Милая актриса, зима очень длинная, мнѣ нездоровилось, никто мнѣ не писалъ чуть ли не цѣлый мѣсяцъ — и я рѣшилъ, что мнѣ ничего болѣе не останется, какъ уѣхать за границу, гдѣ не такъ скучно. Но теперь потеплѣло, стало лучше — и я рѣшилъ, что поѣду за границу только въ концѣ лѣта, на выставку. А Вы то зачѣмъ хандрите?. Вы живете, работаете, радуетесь, пьете, смѣетесь, когда Вамъ читаетъ Вашъ дядя — чего же Вамъ еще? Я — другое дѣло. Я оторванъ отъ почвы, не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить; я люблю шумъ и не слышу его, однимъ словомъ, я переживаю теперь состояніе пересаженнаго дерева, которое находится въ колебаніи: приняться ему, или начать со...?» Если я иногда позволяю себѣ въ письмѣ жаловаться на скуку, то имѣю на это нѣкоторое основаніе, а Вы?..»

Ранней весной Художественный театръ ѣдетъ въ Крымъ, въ Ялту и въ Севастополь, — главнымъ образомъ для того, чтобы показавъ Чехову свои постановки. Киниллеръ, вмѣстѣ съ сестрой писателя, пріѣзжаетъ раньше и гоститъ у Чеховыхъ до начала спектаклей. Встрѣчи подогреваютъ вялое чувство Чехова гораздо больше, чѣмъ переписка. Изъ

Москвы О. Л. пишетъ: «...Ялта промелькнула, какъ сонъ. Мнѣ отраднo вспомнить, какъ хорошо я провела первые дни у Васъ, когда я не была еще актрисой. Только гадко, что Вы прихворнули. Отъ Севастополя у меня осталось скверное воспоминаніе, да и у Васъ тоже, правда?.. Ну а Вы что подѣлываете, писатель? Что у Васъ на душѣ, что у Васъ въ головѣ, что Вы надумываете въ Вашемъ славномъ кабинетѣ? Напишите мнѣ хорошее, искреннее письмо, только не отдѣлывайтесь фразочками, какъ Вы часто любите дѣлать... Въ іюнѣ надѣюсь увидѣться съ Вами, когда Вы меня примете. Поживемъ потихонечку, да Вы вѣдь, впрочемъ, удираете въ Парижъ. Ну, видно будетъ».

Письмѣ Чехова, отвѣтныхъ п вообщѣ упоминающихъ о пріѣздѣ Художественнаго театра весной 1900 г. въ Крымъ, нѣтъ. Онъ вскорѣ самъ поѣхалъ въ Москву, но, пробывъ тамъ всего двѣ недѣли, изъ-за дурной погоды возвратился въ Ялту.

Съ начала августа возобновляется переписка, письмомъ О. Л. поѣзда (между Севастополемъ и Харьковомъ), уже на слѣд.

«...Вчера какъ разстались съ тобой, — долго смотрѣла въ темноту и много, много было у меня на душѣ. Конечно, всплакнула. Я сейчасъ и писавъ не могу толкомъ, только думаю обо всемъ безсвязно. Вчера жутко было одной остаться отъ всего, что нахлынуло на меня сразу»..

Всѣмъ за значъ второе письмо изъ Москвы, болѣе успокоенное. Теперь ихъ жизни связались, но въ тайнѣ отъ другихъ.

И, видимо, ничего не было сказано Чеховымъ женщиной, которая стала его женой, о томъ, чтобы и впредь связать свою судьбу съ ней. Одна пока только фраза въ письмѣ Книпперъ указываетъ на это: «... Встрѣтили меня всѣ (въ театрѣ) хорошо, всѣ спрашивали про тебя, когда ты придешь. Что я могла отвѣтить?»

Вотъ что пишетъ Чеховъ послѣ того, когда неопредѣленная, долго длившаяся дружба перешла въ полную любовь:

«Милая Оля, радость моя, здравствуй! Сегодня я получилъ отъ тебя письмо, первое послѣ моего отъѣзда, прочелъ, потомъ еще разъ прочелъ и вотъ пишу тебѣ, моя актриса. Проводивъ тебя, я поѣхалъ въ гостиницу Киста, тамъ ночевалъ; на другой день отъ скуки и отъ нечего дѣлать поѣхалъ въ Балаклаву. Тамъ все прятался отъ барынь, узнавшихъ меня и желавшихъ устроить мнѣ овацию; тамъ ночевалъ и утромъ выѣхалъ на Тавель*). Начало чертовски. Теперь сижу въ Ялтѣ, скучаю, злосю, томлюсь. Вчера былъ у меня Алексѣевъ**), Говорили о пьесѣ, далъ ему слово, при чемъ обѣщалъ кончить пьесу не позже сентября. Видишь, какой я умный. Мнѣ все кажется, что отворится сейчасъ дверь и войдешь ты. Но ты не войдешь, ты теперь на репетиціяхъ или въ Мерзляковскомъ пер., далеко отъ Ялты и отъ меня. Прощай, да хранять тебя силы небесныя, ангелы хранители. Прощай, дѣвочка хорошая.

Твой Antonio.

*) Название парохода.

**) К. С. Станиславскій.

Теперь О. Л. Книпперъ пишетъ еще чаще. Она живетъ своимъ чувствомъ, сознаниемъ и ощущеніемъ своего счастья: «Сидѣла, разбиралась за письменнымъ столомъ — поглядѣла на твои карточки и глядѣла долго и много думала. И ужасно мнѣ стало хорошо на душѣ отъ сознанія, что ты меня любишь». Если долго нѣтъ отвѣтныхъ писемъ, она тревожится и мучается.

У Чехова то ровное настроеніе, которое бываетъ свойственно людямъ, когда яркое счастье уже пережито (или кажется, что оно было пережито) и сложилось нѣчто привычное, крѣпко налаженное въ отношеніяхъ двухъ людей. Это привычное необходимо, оно приросло къ жизни, но не заливаетъ душу вспышками ослѣпительнаго свѣта. А, между тѣмъ, еще ничего не сложилось окончательно, ничего не опредѣлено.

Чеховъ пишетъ о мелочахъ, пишетъ ласково «зюгнымъ» тономъ, съ повтореніемъ и умноженіемъ прозвищъ, часто съ той же самой жалобой на скуку, о которой онъ твердилъ, когда не было у него «ничего новаго» въ его жизни. Книпперъ *тоскуетъ* о немъ, но она не знаетъ *скуки*. И ей хочется, чтобы и въ душу Чехова влилась живая радость жизни, разрывающая сѣрую паутину однотонной смѣны дней: «Не злись, не скучай, не томись. Увидимся — все позабудемъ. Мнѣ хочется, чтобы у тебя былъ духъ бодрый теперь, свѣжій. А когда увидимся? Нигдѣ это не написано?»

Въ коротенькихъ въ большинствѣ случаяхъ письмахъ изъ Ялты въ Москву ни слова нѣтъ о будущемъ ихъ обоихъ. Чеховъ какъ будто намѣренно объ этомъ

не думаетъ, молчать. Молчаніе, конечно, смущаетъ другую сторону.

И вотъ впервые О. Л. осторожно и деликатно касается вопроса, который не могъ ее не тревожить. Она жила въ семьѣ своей матери; правда, по профессіи она стала «актрисой», но не въ обычномъ тогдашнемъ пониманіи, ибо и театръ былъ совсѣмъ необычный; она выросла въ правилахъ и понятіяхъ опредѣленнаго круга. И у нея прорывается въ письмѣ: «А вотъ сейчасъ долго не писала... и, глядя на твою фотографію, думала, думала и о тебѣ, и о себѣ, и о будущемъ. А ты думаешь? Мы такъ мало съ тобой говорили и такъ все неясно, ты этого не находишь? Ахъ, ты, мой человѣкъ будущаго!»

Чеховъ какъ будто не слышитъ этихъ вопросовъ. Въ встрѣчѣ съ О. Л. Книпперъ онъ въ своемъ обычномъ существованіи, гдѣ и вѣнше и внутренне все осталось попрежнему, все течетъ по старому руслу.

Онъ занятъ пьесой «Три сестры», которая «сидитъ въ головѣ, уже вылилась, выровнялась и просится на бумагу»; правда, гости ему мѣшаютъ работать, но отъ него самого въ значительной степени зависитъ оградить себя отъ нихъ. Однако ни творчество, ни любовь не сообщаютъ ему душевнаго подъема и онъ прибавляетъ свое обычное: «Я скучаю и злюсь. Денегъ выходитъ чертовски много, я разоряюсь, вылетаю въ трубу. Сегодня жесточайшій вѣтеръ, буря, деревья сохнутъ... Духа моя, скучно!» Это письмо является отвѣтомъ на просьбу Книпперъ, чтобы у него «былъ духъ бодрый теперъ, свѣжій».

Но и на второе ея письмо, въ которомъ звучитъ больной для нея вопросъ о будущемъ, Чеховъ отвѣчаетъ совсѣмъ «не на тему». Онъ мечтаетъ о встрѣчѣ, о дальнѣйшемъ ни слова: «Когда приѣду, пойдемъ опять въ Петровско-Разумовское? Только такъ, чтобы на цѣлый день и чтобы погода была хорошая, осенняя и чтобы ты не хандрила и не повторяла каждую минуту, что тебѣ нужно на репетицію». И заканчиваетъ письмо: «Въ Ялтѣ уже осень. Ну, милосія моя, будь здорова и пиши, пиши, пока не надоѣстъ. Прощай, мамуся, ангелъ мой, ибъмочка моя прекрасная. Мнѣ безъ тебя очень скучно».

Изъ-за работы надъ пьесой онъ пишетъ теперь очень рѣдко, иногда всего нѣсколько словъ. О. Л. тревожится: «Наконецъ то пришло отъ тебя письмо, дорогой мой Антонъ! Какъ я рада, что ты здоровъ и что ты работаешь. Я хочу, чтобы ты былъ веселъ, чтобы ты не хандрилъ, чтобы ты скорѣе приѣзжалъ. Ахъ, все для меня такъ смутно, смутно..»

Чеховъ ей въ отвѣтъ рассказываетъ сначала о работѣ надъ пьесой, затѣмъ о ялтинскихъ гостяхъ. Въ заключеніе говоритъ: «Пиши мнѣ почаще, твои письма радуютъ меня всякій разъ и поднимаютъ мое настроеніе, которое почти каждый день бываетъ сухимъ и черствымъ какъ крымская земля. Не сердись на меня, моя миленькая. Гости уходятъ, иду провожать ихъ. Твой Antonio»

Проходитъ около мѣсяца. Мы читаемъ:

«Наконецъ то ты мнѣ человеческое письмо написалъ, — а то какія-то писульки присылалъ, точно тебѣ тяжело писать. Знай,

что мое искреннее горячее желаніе — чтобы ты былъ здѣсь, со мной. Если ты не можешь жить здѣсь зиму, — я тебя должна видѣть передъ наступленіемъ зимы, а то мнѣ будетъ слишкомъ тяжело, милый мой Антонъ... Люби меня и приѣзжай и опять любви, чтобы было много любви, тепла и, ради Бога, не так ничего въ себѣ, все говори, чтобы все было ясно, все договорено. Ничего больше не хочу тебѣ писать, пока не получу депешу, что ты ѣдешь. Ты долженъ приѣхать. Милый, голубчикъ, скорѣе, скорѣе будь здѣсь. Намъ надо увидаться. — Пока цѣлую тебя горячо, цѣлую твои хорошіе глаза и жду».

И отвѣтъ:

«Милюся моя Оля, голубчикъ, здравствуй! Какъ поживаешь? Давненько уже я не писалъ тебѣ, давненько. Совесть меня мучаетъ за это немножко, хотя я бы такъ ужъ виноватъ, какъ можетъ это казаться. Писать мнѣ не хочется, да и о чемъ писать?

О моей крымской жизни? Мнѣ хочется не писать, а говорить съ тобой, говорить, даже молчать, но только съ тобой. Завтра въ Москву ѣдетъ мать, быть можетъ и я поѣду скоро, хотя совсѣмъ непонятно, зачѣмъ я поѣду туда? Зачѣмъ? Чтобы повидаться и опять уѣхать? Какъ это интересно. Приѣхать, взглянуть на театральную толчею и опять уѣхать. ... Я уѣду въ Парижъ, потомъ ѣброитно въ Ниццу, а изъ Ниццы въ Африку, если не будетъ тамъ чумы».

Чеховъ, конечно, сознавалъ, что его письмомъ о существованіи обидно и жестоко должно звучать для близкой ему женщины и она при-

писываетъ: «Сердишься на меня, дуся? Что дѣлать? Мнѣ темно писать, свѣчи мои плохо горятъ. Милая моя, крѣпко цѣлую, прошай, будь здорова и весела! Вспоминай обо мнѣ почаще. Ты рѣдко пишешь мнѣ, это я объясняю тѣмъ, что я уже надоѣлъ тебѣ, что за тобой стали ухаживать другіе. Что-жъ? Молодецъ, бабуся! Цѣлую ручку. Твой Ant.»

Ревность и раздраженіе сквозь всѣ ласковыя слова звучать въ этомъ письмѣ опредѣленно. Но договоренности опять нѣтъ. И нѣтъ прямыхъ словъ о томъ, чтобы Книшперъ ради него, ради ихъ общаго счастья оставила сцену. Скажутъ: Чеховъ изъ деликатности не хотѣлъ ее, талантливую артистку, отрывать отъ театра. Но настоящая большая любовь не знаетъ умалчиваній, когда вопросъ касается чувства и жизни своихъ людей. Любовь радостно принимаетъ жертву, когда готова сама съ такой же радостью отвѣтить жертвой.

Хотѣлъ-ли, готовъ-ли быть до конца самъ Чеховъ измѣнить свою жизнь ради любимой женщины?

Давно, впрочемъ, не въ печати, а въ общественномъ мнѣніи, утвердилось представленіе о «брошенномъ въ Ялтѣ больномъ писателѣ». Сложный вопросъ двухъ чужихъ жизней обсуждался у насъ, особенно прежде, весьма упрощенно. Когда нибудь наступитъ время безпристрастнаго и правдиваго его освѣщенія. Но и теперь необходимо отмѣтить, что въ установившейся оцѣнкѣ взаимоотношеній Чехова и его жены немало было досужихъ предположеній. Переписка Чехова въ этомъ вопросѣ является драгоцѣн-

нымъ и убѣдительнымъ документомъ.

Въ очеркѣ воспоминаній О. Л. Книпперъ сама вплотную подходитъ къ этому вопросу:

«... И опять начинаются разлуки и встрѣчи», — говоритъ она о періодѣ, наступившемъ уже послѣ женитьбы на ней Чехова, — «столько разставанья становятся еще чувствительнѣе и мучительнѣе, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перваго же изъ нихъ, я стала сильно подумывать — не бросить ли сцену. Но рядомъ вставала вопросъ, — нужна ли Антону Павловичу просто жена, оторванная отъ живого дѣла? Я чуяла въ немъ человѣка-одиночку, который, можетъ быть, тготился бы лонкой жизни своей и чужой. И онъ такъ дорожилъ связью черезъ меня съ театромъ, возбуждавшимъ его живѣйшій интересъ. Я невольно съ необычайной остротой вспомнила всѣ эти переживанья, когда много лѣтъ спустя, при изданіи писемъ Антона Павловича, я прочла его слова, обращенныя къ А. С. Суворину еще въ 1895 г.: «Извольте, я женюсь, если Вы хотите этого. Но мои условія: все должно быть, какъ было до этого, т. е. она должна жить въ Москвѣ; а я въ деревнѣ (онъ жилъ тогда въ Мслиховѣ) и я буду къ ней ѣздить. Счастья же, которое продолжается изъ дня въ день, отъ утра до утра, — я не выдержу. Я обѣваю быть великолѣпнымъ мужемъ, но дайте мнѣ такую жену, которая, какъ луна, являлась бы на моемъ небѣ не каждый день».

«Я не знала тогда этихъ словъ, но чувствовала, что я нужна ему

такая, какая я есть; и все-таки, послѣ моей тяжелой болѣзни въ 1902 году, я опять серьезно говорила съ нашими директорами о своемъ уходѣ изъ театра, но встрѣтила сильный отпоръ. Антонъ Павловичъ тоже возставалъ, хотя и воздерживался отъ окончательнаго рѣшенія. Я понимала причину его сдержанности, но никогда мы не трогали ее словами и не говорили о томъ, что мѣшало намъ до конца соединить жизни и только въ письмахъ появляются и недоговоренность и подозрительность и иногда раздраженіе. Такъ и потекла жизнь — урывками, съ усащенной перепиской въ періоды разлуки».

«Съ этой поры, — рассказываетъ дальше Книпперъ, — жизнь А. П., больше чѣмъ прежде, дѣлится между Москвой и Ялтой... Въ Ялтѣ «я надо» было жить, въ Москву «тянуло» все время... Скрасило-ли бы прѣбываніе жены вынужденную «ссылку» въ Крымъ? Да, вѣроятно, не было бы, особенно вначалѣ, острыхъ припадковъ скуки. Но былъ ли бы Чеховъ счастливъ, устроивъ себѣ семью, какъ неизмѣнную форму жизни? Можетъ быть, полшутливое его сообщеніе Суворину объ «условіяхъ» женитьбы и нельзя принимать очень всерьезъ, тѣмъ болѣе, что Чеховъ тогда какъ будто никого не любилъ. Но въ шуткѣ все же звучитъ и нѣчто продуманное: «счастья, которое будетъ продолжаться изъ дня въ день, отъ утра до утра, — я не выдержу». О. Л. первый годъ ихъ брака онъ писалъ о театрѣ: «поиграй еще дочковъ пять, а тамъ видно будетъ».

Вернемся, однако, назадъ, къ

последовательному течению переписки. Тогда, осенью (1900 г.), когда онъ писалъ «Три сестры» и Книпперъ со дня на день ждала его обѣщаннаго прѣзда въ Москву, а онъ высказалъ ей свою досаду на «театральную толчею» и наѣбрение прямо ѣхать за границу, она пишетъ ему проникнутое острой душевной болью письмо. Въ этомъ письмѣ прорывается то, что накопилось въ ея душѣ отъ недоговоренности и уклончивыхъ ускользаній со стороны Чехова.

«Отчего ты не пишешь, Антонъ? Я ничего не понимаю. Не пишу, потому что жду тебя, потому что хочу тебя сильно видѣть. Что тебѣ мѣшаетъ? Что тебя мучаетъ? Я не знаю, что думать, беспокоюсь сильно. — Или у тебя нѣтъ потребности видѣть меня? Мнѣ страшно больно, что ты такъ не откровененъ со мной. Всѣ эти дни мнѣ хочется плакать. Отъ всѣхъ слышу, что ты убѣждаешь за границу. Неужели ты не понимаешь, какъ тяжело мнѣ это слышать и отвѣчать на миллионы вопросовъ такого рода? Я ничего не знаю. Ты пишешь такъ неопредѣленно: прѣзду послѣ. Что это значитъ? Все время здѣсь тепло, хорошо, ты бы отлично жилъ здѣсь, писалъ бы, мы бы могли любить другъ друга, быть близкими. Намъ было бы легче перенести разлуку въ нѣсколько мѣсяцевъ. Я не вынесу этой зимы, если не увижу тебя. Въдѣ у тебя любящее, нѣжное сердце, зачѣмъ ты его дѣлаешь черствымъ?.. Мнѣ ужасна мысль, что ты сидишь одинъ и думаешь, думаешь... — Антонъ, милый мой, любимый мой, прѣзжай. Или ты меня знать не хо-

чешь, или тебѣ тяжела мысль, что ты хочешь соединить свою судьбу съ моей? Такъ напиши мнѣ все это откровенно, между нами все должно быть чисто и ясно, мы не дѣти съ тобой. Говори все, что у тебя на душѣ, справившій у меня все, я на все отвѣчу. Въдѣ ты любишь меня? Такъ надо, чтобы тебѣ было хорошо отъ этого чувства и чтобы и я чувствовала тепло, а не непониманіе какое-то. Я должна съ тобой говорить, говорить о многомъ, говорить просто и ясно. Скажи, ты согласишься со мной?»

Мягко и опять уклончиво отвѣчаетъ Чеховъ: «Милюся моя Оля, славная моя актрисочка, почему этого тонъ, это жалобное, кисленькое настроеніе? Развѣ въ самомъ дѣлѣ я такъ уже виноватъ? Ну, прости, милая, хорошая, я сердился, я не такъ виноватъ, какъ подсказываетъ тебѣ твоя мнительность. До сихъ поръ я не собрался въ Москву, потому что былъ нездоровъ, другіяхъ причинъ не было, увѣрю тебя, милая, честнымъ словомъ. Честное слово! Не вѣришь?»

Дальше опять «хроника», а въ концѣ письма: «По письму твоему, судя въ общемъ, ты хочешь и ждешь какого-то объясненія, какого-то длиннаго разговора съ серьезными лицами и серьезными послѣдствіями, а я не знаю, что сказать тебѣ, кромѣ одного, что я уже говорилъ тебѣ 10.000 разъ и буду говорить, вѣроятно, еще долго, т. е. что я тебя люблю—и больше ничего. Если мы теперь не вмѣстѣ, то виноваты въ этомъ не я и не ты, а бѣсъ, вложившій въ меня бациллы, а въ тебя любовь къ искусству».

Въ отвѣтъ Чехова характерно

выступает основной тонъ его души, такъ полно проявившійся и въ его произведеніяхъ, сообщившій имъ эту особую, ему одному свойственную покорную, мягкую уступчивость: жизнь приходится принимать такую, какъ она есть. Изъ-за этого приходится принимать и «бациллъ» въ себѣ и «любовь къ искусству» въ любимой женщинѣ. Бороться не нужно и бесполезно. Чеховъ тихъ и крохотокъ. Эти двѣ черты въ немъ очень трогательны. Но за ними ощущается и другое — какая-то внутренняя инертность, отсутствіе «жара души», а отсюда и отсутствіе всецѣлаго пониманія «жаркихъ душъ», нѣкое отъ нихъ отталкиваніе. Онъ обходитъ ихъ въ своемъ творчествѣ. Въ личной своей жизни онъ тоже сторонится отъ всего того, что можетъ разрушить его покой, хотя бы и далеко не всегда радостный. Лучше безъ излишнихъ волненій, безъ бурь и сильныхъ переживаній.

«Я не вынесу этой зимы, если не увижу тебя», — пишетъ Книпперъ. Чеховъ не очень беретъ на вѣру эти слова. И не потому, что сомнѣвается въ ихъ искренности, но онъ не любитъ гиперболъ. Потому, вѣроятно, не хочетъ и «объясненій»... «съ серьезными лицами и серьезными послѣдствіями». Онъ въ высшей степени добросовѣстно во всемъ, чуждъ лжи и преувеличеній. И любить онъ именно добросовѣстно — какъ можетъ и умѣетъ, не обманывая ни себя, ни другого. Возможно, что передъ его трезвымъ и именно добросовѣстнымъ сознаниемъ возникалъ вопросъ: а если близкая ему женщина броситъ ради него сцену, сумѣетъ ли онъ за-

полнить пустоту, которая неизбежно образуется въ ея жизни отъ разрыва съ любимымъ искусствомъ? И не внесетъ ли такая перемена еще худшихъ тревогъ въ ихъ жизнь? Будетъ ли тогда полнота лучше теперешней урѣзанности?

Послѣ отъѣзда Чехова они обмѣниваются письмами, очень характерными для обоихъ. Во время его пребыванія въ Ниццѣ и потомъ путешествія черезъ Италію переписка продолжается. Скупы и коротки письма Чехова. «Мысли у меня теперь не разгониныстыя», признается онъ самъ. Слова и образы нужны ему для литературнаго творчества, которое дается уже съ великимъ трудомъ. Въ этотъ періодъ одному изъ своихъ корреспондентовъ онъ признается: «пишу по четыре строчки въ день, да и то съ большими мученьями».

Болезнь ослабила его и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше разрушала весь организмъ. Физическія силы незамѣтно уходили, а съ ними падала и душевная энергія, инстинктивно долженъ былъ онъ ее беречь. Чеховъ не сгоралъ, но медленно таялъ.

На закатѣ дней какъ будто впервые пришла по настоящему радость личнаго счастья, но онъ точно не довѣряетъ ему до конца. До сихъ поръ онъ не рѣшался связывать себя никакъ. Мелкое, ничтожное, пошлое видѣлось ему всегда и въ семейной жизни, да и въ женской натурѣ вообще. Недаромъ, какъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ О. Л. Книпперъ, Чеховъ сочинилъ для себя въ видѣ воображаемой подруги жизни нѣкую несуществующую «Наденьку», ко-

торая одолеваетъ его ненужными и ревнивыми сценами. Въ юмористическомъ его разсказѣ «Изъ записокъ вспылчиваго человѣка», даюшемъ каррикатуру семейнаго счастья, изображена такая «Наденька» молодымъ еще Чеховымъ. Не ее ли представлялъ онъ себѣ всегда какъ нѣкую угрозу своему независимо-му существованію?

Но когда жизнь свела его съ женщиной, которой онъ искренно любилъ, онъ тоже не сразу отважился на рѣшительный шагъ. Впрочемъ, самого себя онъ считаетъ способнымъ на прочную привязанность. Въ новогоднемъ поздравленіи О. Л. изъ-за границы онъ говоритъ ей: «...желаю счастья и покоя и побольше любви, которая продолжалась бы подольше, этакъ лѣтъ 15. Какъ ты думаешь, можетъ быть такая любовь? У меня можетъ, а у тебя нѣтъ. Я тебя обнимаю какъ бы то ни было...»

Но когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять самъ собою возникаетъ вопросъ объ оформленіи ихъ брака, Чеховъ какъ и прежде упорно отмалчивается. Между тѣмъ, онъ сознаетъ и не можетъ не сознавать, какъ глубоко отъ этого страдаетъ близкая ему женщина. Въ нѣкоторыхъ ея письмахъ звучитъ сердечная боль, женская обида. Онъ хочетъ видѣть ее, быть съ ней, о другомъ не думать. Когда весной 1901 года онъ усиленно зоветъ ее на Пасху къ себѣ въ Ялту, она отвѣчаетъ: «А на Пасху все-таки не пріѣду въ Ялту; подумай и поймешь почему. Это невозможно. Ты такая чуткая душа и зовешь меня. Неужели не понимаешь?»

Онъ настаиваетъ: «непремѣнно пріѣзжай, милая, добрая, славная, если не пріѣдешь, то обидишь глубоко, отравишь существованіе. Я уже началъ ждать тебя, считаю дни и часы».

Тогда Книпперъ вынуждена объяснить: «... Зачѣмъ я пріѣду? Опять скрываться, опять страданія матери *), мнѣ это, право, тяжело, повѣрь мнѣ. Мнѣ трудно объ этомъ говорить. Ты вѣдь помнишь, какъ тяжело было лѣтомъ. какъ мучительно. До какихъ же поръ мы будемъ скрываться? И къ чему это? Изъ-за людей? Люди скорѣе замолчатъ и оставятъ насъ въ покоѣ, разъ увидятъ, что это совершившійся фактъ. Да и намъ съ тобой легче будетъ. Я не выношу этихъ неясностей, зачѣмъ такъ отягчать жизнь?! Ну, понялъ ты меня, согласенъ?»

Чеховъ дѣлаетъ видъ, какъ будто онъ именно ничего не понимая и будто весь вопросъ лишь въ томъ, что О. Л. не нравится Ялта какъ мѣсто встрѣчи и онъ соглашается пріѣхать въ Москву, хотя ему «ужасно не хочется изъ Ялты», «не хочется вагона, не хочется гостиницы».

О. Л. опять повторяетъ и разъясняетъ: «Меня мучаетъ, что ты хочешь пріѣхать въ Москву, кто знаетъ, какая тамъ погода будетъ. А видѣть тебя хочу... Но мы же не можемъ жить теперь просто хорошими знакомыми... Опять видѣть страданія твоей матери, недоумѣвающее лицо Маши — это ужасно! Я вѣдь у Васъ между двухъ огней. Выскажись ты по этому поводу. Ты все мол-

*) Матери Чехова, жившей въ это время съ нимъ въ Ялтѣ.

чишь. А мнѣ нужно пожить спокойно теперь. Я устала сильно».

Чеховъ вмѣсто того, чтобы «высказаться», сообщает телеграммой, что придетъ послѣ Пасхи. И вотъ, дабы избавить его и отъ дурной погоды и отъ вагона и отъ гостиницы, Книпперъ посылаетъ ему встрѣчную телеграмму: «Выѣзжаю завтра Ялту. Ольга».

Двухнедельное ея пребываніе у Чехова не разрѣшило ничего. Чеховъ прошелъ мимо ея душевнаго состоянія. Онъ опять ей пишетъ о скукѣ своей, затѣмъ въ другомъ письмѣ, послѣ сообщенія о постановкѣ и успѣхѣ «Дяди Вани» въ Прагѣ, мы читаемъ: «Дуся моя, въ Ялтѣ каждый день дождь... Что ты дѣлаешь въ Москвѣ? Напиши, дѣточка, не лѣнись. Безъ тебя и безъ твоихъ писемъ мнѣ становится скучно».

Сегодня принималъ О. Р.*).

Скоро, скоро увидимся, пойдёмъ въ Петровско - Разумовское, пойдёмъ въ трактиръ, однимъ словомъ, будемъ блаженствовать. Твой портретикъ въ «Нивѣ» очень хорошъ, ты тамъ добрая.

Розы еще не цвѣтутъ, но скоро начнутъ цвѣсть. Послѣ дождей растительность моя пошла бурно. И сегодня небо облачно.

До свиданія, собака! Прощай, собака! Я тебя глажу и цѣлую.

Твой влюбленный въ Книппищу дуралея».

Это письмо — образчикъ любовной лирики Чехова, выраженіе его счастливаго настроенія. И «Книппищу», и «собака», и касторовое масло, и розы, которые скоро начнутъ цвѣсти...

И въ тотъ же самый день (17 апрѣля 1901 г.) пишетъ ему О. Л.

Книпперъ. Другое чувство унесла она съ собой изъ Ялты:

«Вотъ я и въ Москвѣ, милый мой Антонъ! Не могу отдѣлаться отъ мысли, что мы зря разстались, разъ я свободна. Это дѣлается для приличія, да? Какъ ты думаешь? Когда я сказала, что уѣзжаю съ Машей, ты ни однимъ словомъ не обмолвился, чтобы я осталась или что тебѣ не хочется разставаться со мной. Ты промолчалъ. Я рѣшила, что тебѣ не хочется, чтобы я была у тебя, разъ Маша уѣхала. Que dira le monde!. Неужели это была причина? Нѣтъ, не думаю. Я себѣ голову изломала, придумывая невозможное. Хотя я ясно чувствую все, что происходитъ въ тебѣ и потому мнѣ, можетъ быть, трудно было съ тобою говорить о томъ, о чемъ я все хотѣла говорить. Ты поминишь, какая я была дикая послѣдній день? Ты все думалъ, что я сержусь на тебя. Я сейчасъ очень волнуюсь и хочется многое написать тебѣ, написать все, что я чувствую, но чтобы ты понялъ, не истолковалъ бы по своему. А по твоему какъ? Лучше молчать о томъ, что хочется высказать или же наоборотъ? Я знаю, — ты врагъ всякихъ «серьезныхъ» объясненій, но мнѣ не объясняться нужно съ тобою, а хочется поговорить, какъ съ близкимъ человѣкомъ. Мнѣ какъ-то ужасно больно думать о моемъ послѣднемъ пребываніи въ Ялтѣ, несмотря на то, что много дурили. У меня остался какой-то осадокъ, впечатлѣніе чего-то недоговореннаго, туманнаго. Тебѣ, можетъ, неприятно, что я пишу объ этомъ? Скажи мнѣ откровенно. Я не хочу раздражать тебя ничѣмъ. Я такъ ждала весны,

*) *Oleum ricini*.

такъ ждала, что мы будемъ гдѣ-то вмѣстѣ, поживемъ хоть нѣсколько мѣсяцевъ другъ для друга, станемъ ближе, и вотъ я опять «погостила» въ Ялтѣ и опять уѣхала. Тебѣ это все не кажется страннымъ, тебѣ самому? Я вотъ написала все это и рассказываюсь, мнѣ кажется, что и ты самъ все это отлично чувствуешь и понимаешь. Отвѣть мнѣ сейчасъ же на это письмо, если тебѣ захочется написать откровенно, напиши все, что ты думаешь, выругай меня, если надо, только не молчи».

Вторая часть письма Книпперъ заполнена сердечно участливыми вопросами о здоровьи и жизни Чехова въ Ялтѣ. Лишь въ post scriptum сказано прямо: «Пріѣзжай въ первыхъ числахъ и повѣнчаемся и будемъ жить вмѣстѣ. Да, милый Антоша?»

Откровеннаго отвѣта О. Л. и на этотъ разъ отъ Чехова не дождалась.

Между тѣмъ въ ея семьѣ возникъ чисто практическій вопросъ: ея мать мѣняла квартиру и О. Л. должна была сказать, останется ли она и дальше жить съ матерью, которая стѣснялась спросить ее объ этомъ. Чеховъ же въ это самое время предлагаетъ въ коротенькой записочкѣ лѣтомъ поѣхать вмѣстѣ по Волгѣ, такъ какъ «надо провести это лѣто возможно удобнѣе, т. е. подальше отъ знакомыхъ».

Послѣ повторно настойчивыхъ вопросовъ онъ, между дѣломъ, вслѣдъ за разными новостями, наконецъ, пишетъ: «Если ты дашь слово, что ни одна душа въ Москвѣ не будетъ знать о нашей свадьбѣ до тѣхъ поръ, пока она

не совершится, то я повѣнчаюсь съ тобой хоть въ день пріѣзда. Ужасно почему то боюсь вѣнчанія, и поздравлений и шампанскаго, которое нужно держать въ рукѣ и при этомъ неопредѣленно улыбаться. Изъ церкви укажутъ бы не домой, а прямо въ Звенигородъ. Или повѣнчаться въ Звенигородѣ. Подумай, подумай, дуся».

Свадьба состоялась въ Москвѣ 25 мая (1901 г.). О ней никто не зналъ, даже мать О. Л. Книпперъ. Потомъ оба уѣхали по Волгѣ, Камѣ и Бѣлой въ Уфимскую губернію, гдѣ Чеховъ началъ было лѣчиться кумысомъ, а затѣмъ въ Ялту, откуда въ концѣ августа Книпперъ должна была вернуться въ театръ.

Чехову не суждено было испытать вѣрность своего сердца и длительность своей любви, о которыхъ онъ писалъ. Что-то вспыхнуло у самаго конца его жизненной дороги и угасло вмѣстѣ съ нимъ.

Былъ ли онъ счастливъ?

На такой вопросъ отвѣтить за другого трудно. Можно лишь сказать, что въ своемъ романѣ онъ далъ что могъ и взялъ что могъ — что вмѣщалось — «по мѣркѣ души».

Слово «привыкъ» все чаще и чаще встрѣчается въ письмахъ женатаго Чехова; то, что прежде, можетъ быть, отпугивало, — становилось постепенно необходимымъ. «Я пріѣду въ Москву въ сентябрѣ», — пишетъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ его жена уѣхала изъ Ялты, — «когда напишешь. Безъ тебя мнѣ

очень скучно. Я привыкъ къ тебѣ, какъ маленькій, и безъ тебя неуютно и холодно». Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ благодаритъ О. Л. Книпперъ и говоритъ: «я былъ очень счастливъ». Послед-

нюю зиму (1903-1904) они не разставались. Лѣтомъ вмѣстѣ уѣхали за границу. Но оно было очень короткое, это послѣднее лѣто Чехова.

М. Курдюмовъ.